

На "Фрунзенской"

12+

Алимова П. Д.

Полина Дмитриевна Алимова На «Фрунзенской»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=66546688

SelfPub; 2021

Аннотация

Метро – место, где пересекаются судьбы людей. Каждая станция видела встречи и расставания, ссоры и примирения. "Фрунзенская" стала свидетелем очередного важного шага в жизни одного из тысяч посетителей.

Полина Алимова

На "Фрунзенской"

– Станция «Парк культуры».

– Извините, вы выходите? – теплый женский голос проник сквозь пелену музыки. Ева машинально обернулась через плечо, потянув за провод наушник. Позади стояла пожилая женщина с теплой улыбкой, таких не часто встретишь в сером метро, обычно люди всегда спешат, не замечая других вокруг себя.

– Простите, на следующей, – она сделала шаг в сторону и пропустила женщину. Та напоследок улыбнулась и скользнула в поток людей.

– Осторожно, двери закрываются. Следующая станция – «Фрунзенская».

«Фрунзенская». Тяжелая станция, темная и нагруженная, Ева всегда чувствовала себя неуютно под массивным сводом потолка. Двери захлопнулись, а уже через мгновение светлую плитку станции обрезала темнота туннеля. Вновь на стекле двери появилось отражение лица девушки – с одной стороны, знакомой (Ева каждый день видела её в зеркале в ванной), с другой стороны – в ней не было привычной искры. Улыбка не сияла на лице, волосы, по привычке растрепанные, были стянуты в пучок где-то на затылке, глаза были опустошенными.

Не хотелось видеть именно такую Еву, однако от внутреннего чувства было сложнее скрыться, чем от отражений.

Желание сбежать было жутким. Может, «Фрунзенская» не её станция? Она ошиблась и проедет дальше, до светлых «Воробьевых гор», и вольется в поток прогуливающих по набережной. Осенний воздух уже был холодным, но теплые краски листвы радовали глаз не хуже цветов.

– Станция «Фрунзенская».

Её ход. Поезд замедлил своё движение, перед самой остановкой неловко качнувшись. Двери открылись с заметным скрипом, а музыка в ушах окончательно стихла, оставляя место пустоте, наполненной шумом. Люди позади Евы уже вышли вперёд, они шли по своим делам, боялись опоздать, а вот Ева уже никуда не опаздывала. Точно не она.

Неуверенный шаг – и она на станции. Ветер уносящегося поезда за спиной игриво подхватил шарф на шее, но силы не хватило, чтобы унести его с собой. Она бы не расстроилась, если бы шарф утонул где-то в глубине тоннеля вместе с поездом. Раньше бы она посмеялась, сейчас – не обратила внимание.

Рядом с краем платформы была безопасная зона, её никто не видел, можно было считать, что она ещё не на станции. Возможно, следующий поезд унесет её к желанной набережной, подальше от проблем, но так ведь не поступают взрослые и серьезные люди? А она считала себя именно такой. Люди стремятся быть взрослыми с самого детства, но,

став такими, бояться принять.

Станция пустовала. Середина буднего дня, часть людей ещё на своей работе, а оставшаяся часть вряд ли задержится в метро по собственному желанию. У Евы тоже не было такого желания, была лишь необходимость.

Выйдя к середине, она почувствовала пустоту и облегчение. На этой станции Ева действительно была одна, только молодая пара, поднимающаяся по эскалатору, могла бы разбавить её компанию. Тусклый свет старых люстр ударялся в потолок, а после неохотно рассеивался по пространству вокруг. Всё же эта станция была темной и холодной, со свойственным запахом сырости метро.

Ева села на монолитную скамью. Холодный мрамор упёрся в спину. Пальто не могло справиться с холодом, только шёл он не снаружи, а изнутри девушки. Позади были бессонные ночи, слезы и гнев к себе. Казалось, решение было давно принято, но сейчас хотелось сбежать на ближайший поезд, отсрочить собственный приговор, а может, вообще никогда не исполнять его. Однако ей нужно было сделать свой первый шаг к новой жизни, осознанной и самостоятельной.

Прошло немало поездов, когда в очередной раз свистящий звук разрезал воздух. Из дверей показалась знакомая фигура. В первую секунду хотелось поверить в обман своего зрения, но походка и очертания резали воспоминаниями глаза. Сначала Ева запаниковала, краем глаза приметив подъехавший поезд позади себя. Она ведь ещё может скользнуть

в толпу людей, уйти от встречи, которую сама пожелала, и больше никогда не появляться на этой проклятой станции.

Ева прикрыла глаза и выдохнула воздух, а вместе с ним и скопившееся напряжение. Все эмоции были пережеваны, им не было места на этой станции, как и страху. Побег – последнее, что она может сделать для себя.

Мужчина сначала замялся у вагона, медленно водя головой. Вряд ли он потерял кого-то, с ним вышло лишь несколько людей, сразу же направившихся к выходу. В какой-то момент его взгляд остановился на той самой скамье, где сидела Ева. Она ждала этого момента, ждала, когда он сделает первый шаг в её сторону, когда неуверенная поступь сменится решительными шагами, когда между ними останется метр.

Быстро поднялась, на её холодном лице не дрогнул ни один мускул, из-за чего мужчина остановился, а его легкая улыбка растаяла. Здесь он не ради обсуждения последнего фильма в прокате, теперь это стало понятно.

– Здравствуй, милая, – голос плавно тянулся, как смола, однако теперь он раздражал.

– Здравствуй.

Короткий ответ Евы ввел в сомнения мужчину. Тон этого разговора был окончательно определен.

– Ты попросила меня о встрече, что-то случилось? – в его сероватых глазах, маленьких и глубоко погруженных, не было вопроса. Вряд ли он не догадывался о причине встречи.

– Как Мария?

– Прекрасно. Недавно ездили в Калининград, это замечательный город.

– Ясно, – коротко оборвала Ева. Ей не нужно было продолжение.

– Что-то случилось, милая?

Прибывший поезд съел его последние слова, но суть их была ясна. Поток воздуха между арками ударил Еву в спину, она слегка пошатнулась от неожиданности, но в это мгновение стало спокойней, потому что больше на неё не давила тишина станции. Сколько же драм и интриг «Фрунзенская» увидела на своём веку? Наверное, Ева здесь не первая и не последняя, кто ранит чужое сердце.

– Хотела поговорить.

– Это я уже понял, – аккуратно подтвердил мужчина. Мимо прошла пара зевак, с любопытством заглядывающих в чужой разговор.

– Поговорить о нас, о том, что сейчас происходит.

– Я внимательно слушаю.

Казалось, мужчина хотел сделать шаг к скамье, чтобы присесть, но Ева стойко стояла на месте. Если она сдвинется хоть на миллиметр, её решимость растает в воздухе, а слова застрянут в горле, так и не выйдя наружу. Они будут каждый раз напоминать о себе, о том, что когда-то не были произнесены вовремя и с нужной интонацией.

Никаких эмоций. Лишь голые слова.

– Твоя жизнь там.

– Где это «там»?

– Рядом с Марией, с её дочерью и её матерью. Оставайся там навсегда, пожалуйста.

Мужчина оторопел, а после его лицо помрачнело. Он хотел возразить ещё в середине слов, но сдержался, не решился перебивать.

– Я же в Москве, я переехал сюда, чтобы видиться с тобой, милая. Всё же ты моя дочь.

Последнее ударило куда-то глубоко, в незащищенное место, но Ева сдержалась, вновь спокойно смотря в знакомые уставшие глаза. Они всегда были такими уставшими, сколько она себя помнила, даже когда они веселились и играли в догонялки в детстве, в эти редкие моменты, они были наполнены тоской.

– Ты приехал сюда из-за Марии. Ты бросил дом, как только появилась возможность это сделать. Ты сбежал от прошлой жизни, от прошлых неудач.

Ева трудилась часами перед зеркалом, чтобы её голос оставался спокойным и ровным. Иногда чувства и разум сильно рознились, ты мог любить человека при том, что твой разум поднимал сирену и предупреждал тебя, что это лишь чувства из прошлого. Люди меняются, но сохранённые эмоции отравляют понимание этого. Тебе вновь и вновь трудно принять изменения, твой новый взгляд на жизнь. Ты повзрослел. Ты многое понял.

– Нет, что за глупость ты говоришь, какие ещё прошлые

неудачи?

– Брак с мамой, например. Я помню, как ты приходил уставшим с работы, но на твоём лице читалась лишь досада, когда ты видел очередные макароны по-флотски. Ты ведь думал о том, что могло бы тебя ждать, выбери ты другую семью.

– Не было такого.

– Может, и нет. Но чувствовала я это именно так. Ты избегал ответственности, лишнего решения, задерживался на работе, лишь бы не быть дома.

– Задерживался, потому что хотел заработать.

В тоне мужчины слышалась жалость, он пытался найти оправдание, но холодный тон дочери давил. Он никогда не поймёт, чего ей стоят эти слова. Он будет до конца жизни думать о её бессердечности, о том, как она предала его.

Она будет до конца жизни винить себя в сказанных словах, однако это намного лучше, чем терпеть удушающие мысли каждый день. Может, он не поймёт её, однако она прекрасно осознаёт свой шаг.

– Задерживался, потому что не хотел быть дома. Я тоже когда-то не желала быть дома, но я была подростком. Это нормально.

– Я всё равно не пойму, чего ты хочешь от меня, Ева?

Мама часто повторяла Еве, что её имя выбрали совершенно случайно, до этого на языке всегда держалось имя Александра, но в самый последний момент остановились на име-

ни «Ева». До самого конца оставалась тайной причина выбора этого имени, просто так захотелось. Прямо в духе мамы.

– Я хочу определиться.

– Ну так говори, – в его голосе появилась доля раздражения.

Ева могла бы часами объяснять свои чувства, сомневаясь, желать что-то исправить, но сколько бы раз это ни повторялось, итог был бы один.

– Па... – застряло в горле, – отец.

Теперь он навсегда останется отцом – грубым напоминанием о прошлой жизни.

– Я не чувствую твоей любви. И не чувствую давно. Когда-то я давала много шансов тебе, приезжала в гости, покупала подарки, хотя своих сбережений у меня толком нет, я всегда улыбалась и прощала твои ошибки. Но ты не приходил ни на одну встречу со мной. Мы живём в одном городе, но, оказывается, так далеко.

Скулы мужчины напряглись, его глаза выражали одновременно злость и опустошенность. Ева старалась смотреть не в его глаза, а куда-то сквозь них, потому что иначе не сможет договорить.

– Ты меня не любишь. Не могу сказать так же про себя, но это лишь детские чувства. Ты не был частью моей жизни, только стоял рядом. Больше ничего между нами нет. И лучше оборвать всё до конца.

– Такое твоё решение?

– Да, – секунда сомнения подвела Еву.

– Это твоё решение, я понял. Что же, желаю тебе хорошей жизни, мне пора.

Он спешно обогнул девушку и ушёл куда-то в край платформы, будто бы хотел убежать.

Это всё? Никаких эмоций, возражений, попыток что-то вернуть или наладить? Он просто принял её слова.

Стало легче.

Напротив Евы затрещали рельсы. Очередной поезд прибыл, желания оставаться на этой холодной станции не было, поэтому она поспешно забежала в закрывающиеся двери вагона. Вокруг всё происходило слишком быстро, она ещё не опомнилась от тяжелого разговора. Столько месяцев готовилась к разговору ради «я понял»? Так мог ответить разумный человек, но не в моменты, когда вдребезги разбивались семейные узы.

Она смотрела десятки фильмов, где родственники решали разорвать свои отношения, там была настоящая драма, люди рвались друг к другу, чтобы сохранить самую последнюю тоненькую нить связи между ними. Казалось, в её жизни должна быть такая же драма, она готовилась, рыдала над сериалами и повторяла ранящие слова перед зеркалом, но всё, что она увидела в чужих глазах, – смирение.

– Станция «Парк культуры».

Ева машинально вышла с толпой на станцию, перед глазами была лишь белая плитка и монолитные столбы, они реза-

ли пространство вокруг. Черные швы плитки стали расплываться, как и лица прохожих, рука машинально дотронулась до щеки, где только что сорвавшиеся слезы уносились вниз. Глаза жгло, а горло сушило от собственных слов.

Она сказала о своих чувствах, но её ожидания не оправдались. Неужели её слова действительно были правдой? Правдой о ложных чувствах и эмоциях, о том, что её близкий человек всегда был холоден к ней.

Может, это не то, что он пожелал ей сказать, но сердце Евы было разбито. Расколото на осколки, потому что он не сказал: «Люблю тебя». Он ни разу не говорил эту фразу, всегда сторонился её. И если бы сейчас сказал ей, возможно, решительный холод отступил бы от неё, она бы разревелась и попросила прощения. Всё было так близко...

Но он не сказал.

Спина сама нашла поддержку в крупной колонне, ноги подкосились под Евой, она просто медленно сползла на пол. Проходящие люди поглядывали на неё, но никто не осмеливался предложить помощь. В этом мире больше не осталось людей, беспокоящихся о Еве, о её чувствах и здоровье.

Никто не пожелает ей спокойной ночи перед сном и удачи на работе. Мать закопана под грудой земли, а отец убежал от неудачной жизни, ассоциацией которой была единственная родная дочь.

– Милая, ты в порядке? – сквозь пелену шума показался знакомый голос. Шум метро не позволял толком оценить,

откуда именно это обращение. Ева устало оторвала взгляд от затертой плитки напротив. Рядом стояла пожилая женщина всё с той же мягкой улыбкой. Ева бы не запомнила её, если бы не доброта, излучаемая женщиной. Лишь полчаса назад она выходила на этой станции, хотя, возможно, прошло намного больше времени – Ева окончательно забылась.

– Да, наверное, – улыбка сама дрогнула на губах. Взгляд женщины стал ещё мягче, от неё пахло свежей выпечкой.

– Ох уж молодёжь, так не щадит своё сердце, – стала приговаривать женщина, потянувшись к сумке. Изрезанная морщинами рука подала Еве небольшой бумажный пакет, от которого аппетитно пахло.

На вопросительный взгляд девушки женщина лишь громко рассмеялась. Её голос был тихим, слегка звенящим.

– Прими, мне не жалко. Я слегка тороплюсь, но отныне будь внимательней к себе, милая.

После она вновь исчезла, будто бы её не было на станции. Остался только запах старой пудры и свежей выпечки.

Слезы перестали резать глаза, а грудь отпустило от сжимающей тоски. Внутри бумажного пакета оказался обычный круассан, ставший самым вкусным, которые пробовала Ева на полу одной из станций метро.

Наверное, «Парк культуры» не так уж и плох.